

УДК 81'23=512.31

DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-28-34

Галина Александровна Дырхеева,

доктор филологических наук, профессор,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),

e-mail: an5dag1@mail.ru

О некоторых особенностях трансформации языкового сознания (на примере лексики цветообозначений в бурятском языке)

Статья посвящена выявлению некоторых особенностей трансформации языкового сознания бурят в условиях бурятско-русского двуязычия. Представлен анализ ассоциативных реакций бурят на русском и бурятском языках на примере слов цветообозначений (*белый, чёрный, жёлтый, красный*). Проведённый эксперимент показал возможности уточнения особенностей языковой картины мира на примере цветолексем, а также особенности трансформации языкового сознания при билингвизме, в частности, бурятско-русского. Он подтвердил, что, как и во многих других языках, бурятские цветолексеммы входят в семантический генофонд языка, при этом цветовая и оценочная семантика в данной группе слов сливается и, в основном, совпадает с цветовой символикой других языков, а именно положительной оценочной семантикой белого цвета и отрицательной чёрного цвета. На основе того, что по всем анализируемым цветам первые две самые высокочастотные ассоциации на обоих языках совпадают, можно сделать предположение, что сила влияния национального бурятского языкового кода пока достаточно высокая. Основные различия между группами ассоциаций на русском и бурятском языках наблюдаются в низкочастотных зонах, и эти расхождения связаны с культурными особенностями. То есть разница в реакциях бурят-билингвов на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закреплёнными за соответствующими словами, которые, в том числе, определяются национальными различиями в представлении о мире, а также системно-структурными особенностями языка, например, многозначностью некоторых бурятских цветолексем.

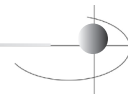
Ключевые слова: языковое сознание, цветолексеммы, свободный ассоциативный эксперимент, бурятский язык, русский язык, билингвизм

Введение. Общеизвестно, что к семантическому лексическому генофонду относятся слова, обозначающие цвета. В некотором смысле можно сказать, что они относятся к основе, ядру языкового сознания. Поэтому очевидно, что цветообозначения или цветолексеммы – достаточно популярная и активно разрабатываемая группа слов во многих языках [2; 5; 6; 8; 10; 11; 12; 14 и др.]. То есть можно сказать, что цветообозначения – наглядный пример национально-специфичного отражения в языке окружающей действительности. Бурятоведение также не является исключением, при этом колористическая лексика бурятскими лингвистами рассматривалась в различных аспектах [3; 16; 17 и др.], в последние же годы большое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту анализа лексики и, в том числе, данной группы слов. Так, достаточно подробный анализ концепта «цвет» представлен в диссертационном исследовании Д. П. Хинзеевой [15]. В частности, для выявления его сложной многослойной структуры автором была разработана классификационная модель, включающая коммуникативно-значимую цветовую ин-

формацию, связанную с реалиями бурятской лингвокультуры. Данная модель позволяет выявить национально-культурную специфику цветовой картины мира бурят, своеобразие их символического мышления. Несомненно, что национально-культурные особенности наиболее ярко можно продемонстрировать при сравнении данных разных языков. Сравнительно-сопоставительный анализ семантики лексики цветообозначений бурят и русских был использован О. А. Баиновой [1] и Р. В. Бухаевой [4]. В результате проведённого ассоциативного эксперимента Р. В. Бухаева пришла к выводу, что у бурят «большинство вербальных ассоциаций на цветосимволы связано с религией. ...русские респонденты дают больше ассоциаций, связанных с наименованиями объектов, а буряты – с оценочными значениями, что свидетельствует о лучшем пространственно-образном речевом мышлении бурят» [4, с. 7].

Методология и методы исследования.

Для выявления смысловой ёмкости и национальной специфичности лексики возможно использование различных методик и подходов. Целью данной статьи также является

попытка выявить национально-культурное содержание лексических ассоциаций на цвета представителей бурятской этногруппы с помощью ассоциативного анализа, а также попытаться показать особенности изменения языкового сознания бурят на фоне активного усвоения ими русского языка. Социальным объектом изучения являются буряты – носители бурятского и русского языков. Мы считаем, что выявление и анализ основных единиц семантической сети позволяет не просто показать специфику духовной системы изучаемого этноса, в случае сопоставительного исследования – общее и специфическое в языковом сознании носителей разных языков и культур, но и особенности её развития и трансформации. При этом наибольший интерес представляет изучение ядра языкового сознания в целях выявления особенностей влияния одного языка на другой, поскольку, как показывают многие исследования, иноязычное влияние способствует не просто изменению лексического состава и коммуникативных норм того или иного языка, оно трансформирует его культурную и ценностную систему.

Материалом для нашего анализа послужил свободный ассоциативный эксперимент, вошедший как часть в лингвистический тест на основе 84 слов-стимулов, включающих слова как различных тематических групп (персоналии, цвета, реалии и др.), так и частей речи (существительные, прилагательные, глаголы) и представленных на двух языках – бурятском и русском.

В эксперименте участвовали 140 испытуемых, бурятско-русские билингвы в возрасте от 18 до 65 лет (70 анкет заполнены на бурятском языке и 70 – на русском). Выбор слов-стимулов соответственно на бурятском и русском языках был обусловлен как задачами данного исследования, так и возможностью использовать их в дальнейшем в различных сравнительных лингвокультурологических и психолингвистических исследованиях. Всего на бурятском языке выявлено 2580 разнообразных реакций, на русском – 2924.

Результаты исследования и их обсуждение. Предварительный визуальный обзор полученных результатов позволил отметить равные объёмы и наполненность ассоциативных полей на обоих языках. В частности, для бурятского языкового сознания (ЯС) самыми важными среди **персоналий** оказались: *хүн* – ‘человек’ (21)¹, *нүхэр* – ‘товарищ, друг, муж’

¹ Цифра в скобках обозначает количество реакций или количество испытуемых, от которых получена данная реакция.

(16), *зон* – ‘народ’ (10) и др.; среди **реалий**: *гэр* – ‘дом’ (23), *байдал* – ‘состояние, положение, ситуация’ (15), *наһан* – ‘возраст, годы, век, жизнь’ (14), *һанаан* – ‘мысль, намерение, желание’ (12) и т. д. А среди **оценок-качеств**: *һайн* – ‘хороший, добрый’ (23), *сэбэр* – ‘чистый’ (16), *хүнэй* – ‘человеческий’ (15), *сагаан* – ‘белый’ (11), *буряад* – ‘бурятский, бурят’ (10), *һайхан* – ‘красивый’ (9), *хара* – ‘чёрный, тёмный’ (9), *гоё* – ‘нарядный, красивый’ (9). То есть цветообозначения, а именно *сагаан* – ‘белый, белизна’ (11) и *хара* – ‘чёрный, тёмный’ (9), как и во многих других языках [13, с. 123], входят в ядро бурятского языкового сознания и широко используются для обозначения оценок тех или иных понятий или явлений, при этом они могут иметь и положительное, и отрицательное значение.

Самые частые реакции бурят-билингвов на русском языке, обозначающие **оценки-качество**: хороший (17), чистый (11), добрый (11), любимый (11), новый (11), родной (11), белый (10), большой (10), весёлый (9), дорогой (9), светлый (9), красивый (8), святой (8), старый (8), вечный (7), священный (7), интересный (6), один (6), самый (6), сильный (6), яркий (6), верный (5), плохой (5).

Наиболее ярким в плане отражения национальной особенности бурятской культуры, как и у многих других народов, является белый цвет. Самыми частыми синтагматическими реакциями бурят на русское слово **белый** являются: *снег, цвет, простыня, орёл, свет, пища, подношение*; парадигматическими – *чистый, светлый*, контрастивная реакция – *чёрный*. На соответствующее бурятское **сагаан** – синтагматические: *саһан* – ‘снег’, *морин* – ‘лошадь’, *һанаан* – ‘мысль, дума, намерение’, *эдеэн* – ‘еда, пища’, *һара* – ‘месяц, луна’, *хилээмэн* – ‘хлеб’, *үнгэ(н)* – ‘цвет’, *саарһан* – ‘бумага’, *сэдьхэл* – ‘мысль, думы, помыслы’, *нюур* – ‘лицо’, *сагаалган* – ‘Сагаалган (национальный праздник бурят, Новый год по лунному календарю)»; парадигматическая: *сэбэр* – ‘чистый’; контрастивная: *хара* – ‘чёрный’.

В бурятских цветоассоциациях **сагаан** имеет самую большую группу национально-специфических реакций, символизирующих чистоту, ясность, благополучие: светлые помыслы: *һанаан* – ‘мысль, дума’, *сэдьхэл* – ‘мысль, дума, помыслы’, *зан* – ‘нрав, характер’, *сагаан эдеэн* – ‘белая пища (включая *һү(н)* – ‘молоко’, *сай* – ‘чай’)»; то, что связано с животными, а именно с лошадью: *зүһэн* – ‘масть’, *морин* – ‘лошадь’; с обрядами: *хадаг* – ‘хадак (сложенная узкая шёлковая

ткань, которую подносят в знак почтения и добрых пожеланий), главный праздник бурят – *Сагаалган, үбгэн* – ‘старик’ (*Сагаан үбгэн* – ‘Белый старец – дух-покровитель, почитаемый во всех монголоязычных регионах’). При этом часто реакции-ответы (видимо, в знак почитания) даются в полном написании: *сагаан ханаан* – ‘светлые помыслы’, *сагаан сэбэр* – ‘белый – чистый’, *сагаан эдээн* – ‘белая пища’, *сагаан сэдхэл* – ‘светлые, чистые помыслы’, *сагаан үнгэ* – ‘белый цвет’, *сагаан плати* – ‘белое платье’.

Соответствующие ассоциации бурят на русском языке также национально-специфичны: *добрые дела, душа, чистота, свет, светлый, подношение, пища, сагаан дали* (название растения ‘багульник болотный’), *мать-лебедица, буддийский праздник чистоты, цвет молочной пищи*.

Сравнение с коррелятами на других языках [9, с. 120–124] показывает совпадение самого частого синтагматического ассоциата *саһан* – ‘снег’, представленных респондентами на бурятском и на русском языках на реакцию **белый** с данными по всем языкам, кроме казахского и узбекского, что достаточно очевидно для языков, носители которого редко сталкиваются со снегом.

Парадигматические ассоциативные реакции по белому цвету в бурятской части: *хара* – ‘чёрный’, *улаан* – ‘красный’, *зрезэн* – ‘пёстрый’. Слова *светлый, тёмный, чистый, пёстрый*, можно сказать, занимают промежуточное положение между словами-цветообозначениями. В число парадигматических ассоциативных реакций, которые не являются цветообозначениями, как и во многих других языках, входит ассоциат *сэбэр* – ‘чистый’, который большинством испытуемых был соотнесён с исходным словом **белый**, причём в обеих опрошенных группах. Кроме того, слово **белый** испытуемые в первую очередь увязывают с ассоциатом **чёрный**. Это пример яркой контрастной или антонимичной связи. В свою очередь, и в группе ассоциатов слова **чёрный** белый цвет стоит на первом месте среди парадигматических цветовых ассоциаций.

Чёрный – цвет (11), белый, ночь (6), тьма (5), ворон, уголь, конь (3), хлеб, негр, плохое, траур (2).

Хара – *үнгэ+үнгэйтэй* (14+1) – ‘цвет, цветной’, *һүни* – ‘ночь’, *ханаан* (7) – ‘мысли, помыслы’, *сагаан* – ‘белый’, *хүн* (5) – ‘человек’, *зүһэн* – ‘масть’, *хубсаһан* (4) – ‘платье, одежда’, *үдэшэ* (3) – ‘вечер’, *үһэн* – ‘волосы’, *зантай* – ‘имеющий какой-либо характер’, *тал-*

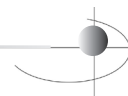
хан – ‘мука, тесто, хлеб’, *харанхы* – ‘темнота, тёмный’, *шарай* (2) – ‘лицо’.

Как видно, в обоих случаях (на бурятском и русском языках) имеется противопоставление с белым цветом. Хотя, если судить по ассоциациям на бурятском языке, **хара** входит в ядро языкового сознания [7, с. 55], а в ассоциативной части на русском языке **чёрный** не вошёл в ядро ЯС бурят-билинггов. Возможно, это объясняется тем, что бурятское **хара** – многозначное слово, например, оно обладает усилительной функцией в сочетаниях типа: *хара улаан* – ‘тёмно-красный’, *хара бороо* – ‘сильный дождь’, *хара багаһаа* – ‘с самого детства (*бага* – ‘маленький’)’. Так, в нашем случае встретилась ассоциация *тамхин* – ‘листовой (крепкий) табак’.

Однако в основном **хара/чёрный** символизирует плохое, злое, тёмное. Среди парадигматических реакций на бурятском языке встретились: *харанхы* – ‘темнота, тёмный’, *муу* – ‘плохой, дурной’, *муухай* – ‘грязный, некрасивый, злой’, *харанхы* – ‘темнота, тёмный’, *уйдхар гашуудал* – ‘печали, огорчения’; на русском – *мрачный, нехорошее, плохое, тёмный, страх*. Негативный оттенок имеют и ассоциации: *нохой* – ‘чёрная, паршивая собака (ругат.)’, *хүн* – ‘человек, простолудин, букв. чёрный человек’. Среди ассоциаций на русском языке обращают на себя внимание устойчивые, цитатные словосочетания: *чёрный юмор, чёрный квадрат, чёрный ворон, чёрный ящик*. Наличие подобных ассоциаций говорит о достаточно высоком уровне энциклопедических знаний русского языка бурятами-билингвами. Можно также отметить практически отсутствие национально-специфических реакций на это слово. В обеих группах в основном это семантически нейтральные слова: *үдэшэ* – ‘вечер’, *үһэн* – ‘волосы’, *хубсаһан* – ‘платье, одежда’, *шарай* – ‘лицо’, *нюдэн* – ‘глаза’ и др.; *кот, костюм, конь, хлеб, чай* и др. Возможно, это, а также другие ассоциативные особенности данной цветолексемы объясняются тем, что, как и во многих других языках, чёрный цвет обозначает в основном нечто негативное, недоброе, отрицательное, и, соответственно, человек старается отвести от себя всё, что символически связано с этим словом.

Кроме белого цвета в парадигматических реакциях на **хара/чёрный** не встретилось ни одной другой цветолексемой ни в русском, ни в бурятском варианте опроса.

Можно предположить, что парадигматические реакции указывают на активность или ядро цветообозначений в том или ином язы-

ке. Так, у бурят наиболее активными оказались слова-стимулы **сагаан/белый** и **шара/жёлтый**, они вызвали наибольшее число парадигматических цветовых реакций.

Жёлтый – цвет (14), солнце+солнечный (11+1), цыплёнок+цыплёночек (6+1), карандаш (3), лист (2), желток (2), осень (2).

Шара – *наран* (14) – ‘солнце’, *үнгэ(н)+үнгэтэй* (10+4+1) – ‘цвет, цветной’, *сэсэг* (4) – ‘цветок’, *улаан+улаан ногоон үнгэ* (4+1) – ‘красный’, *алтан+алтан шара наһан* (4+1) – ‘золотой’, *буд* – ‘ткань’ (4), *ногоон+ногоон сай* (3+1) – ‘зелёный’, *хубсаһан* (3) – ‘платье, одежда’, *һайхан* (2) – ‘красивый’, *дальбараа* – ‘птенец’ (2), *дэгэл* – ‘пальто, шуба, тулуп, халат’ (2), *набшан* – ‘лист’ (2), *шэрэ* – ‘краска’ (2).

В группе на бурятском языке, как уже отмечено выше, больше цветовых противопоставлений: *улаан* – ‘красный’, *ногоон* – ‘зелёный’, *сагаан* – ‘белый’, *хара* – ‘чёрный’, *хурин* – ‘коричневый’, *алтан* – ‘золотой’, *сайбар хула* – ‘светлый саврасый’, *шаралгы* – ‘желтоватый’. В группе на русском языке их меньше: *золотой*, *красный*, *ярко-жёлтый*. О том, что этот цвет вызывает у бурят преимущественно положительные ассоциации, говорит реакция *һайхан* – ‘красивый’, которая не встретилась ни в одной другой цветолексической группе.

Для этой группы характерны следующие национально-специфические синтагматические ассоциации: *адуу мал* – ‘скот’, *дасан* – ‘дацан’, *дэгэл* – ‘дэгэл, шуба, тулуп, халат’, *зүһэн* – ‘масть’, *сайбар* – ‘светлый’, *хула* – ‘саврасый’, *тоһон* – ‘масло’. В отличие от бурятских для русских ассоциаций бурят-билингвов характерны: *больной*, *болезненный*, *восточный*, *глаз тигра*, *жёлтая пресса*, *измена*, *стены*, *шар*, *колпак*, которые больше совпадают с ассоциациями носителей русского языка.

Можно также отметить, что на бурятском языке отсутствуют ассоциации *луна*, *месяц*, *осень*. Луна *һара* по бурятским ассоциациям *сагаан* – белая, а солнце *наран* – *шара* жёлтое. Причём эта ассоциация (*солнце*, *солнечное*) является самым высокочастотной и в русской части эксперимента, что говорит об устойчивости национально-специфической связи **шара/жёлтое** – *наран/солнце*. Реакция *луна* на слово **жёлтый** встретилось только один раз именно в русской части эксперимента. Последняя ассоциация – *наран* – ‘солнце’, а также *үнгэ(н)+үнгэтэй* (10+4+1) – ‘цвет, цветной’ являются самыми частотными в обеих группах.

Как и по жёлтому цвету, по красному цвету, распределение в русском и бурятском ва-

риантах совпадают: по жёлтому – *цвет*, *солнце* и по красному – *цвет*, *флаг*, *кровь*:

Красный – цвет, флаг (7), кровь (5), страсть, огонь (3), жёлтый, карандаш, мак, нос, петух, помидор, революция (2).

Улаан – *туг* (15) – ‘знамя, флаг’, *үнгэ(н), үнгэтэй* (9+6+1) – ‘цвет, цветной’, *шуһан* (10) – ‘кровь’, *сэсэг* (4) – ‘цветок’, *гал* (3) – ‘огонь’, галстук, карандаш, *малгай* – ‘шапка’, помидор, *пулаад* – ‘платок’, *сагаан* (2) – ‘белый’.

Можно также отметить совпадение с теми же коррелятами (*знамя*, *цвет*, *кровь*) и в других языках [9, с. 122–123]. В русскоязычной части наблюдается сохранение ассоциаций политического характера – *Советский Союз*, *СССР*, *революция*, *стукач*, *уголок* (элемент советского периода), даже в бурятских ассоциациях имеются варианты *совет засаг* – ‘советская власть’, *улаантан* – ‘красные (революционеры)’. Красный цвет также вызывает различные эмотивные ассоциации: *дурость*, *любовь*, *обида*, *страсть*, *ярость*.

Так же, как и со словом **чёрный/хара**, с **красным/улаан** ассоциируются в основном стилистически нейтральные слова: *журнал*, *закат*, *мак*, *роза*, *палас*, *перец*, *петух*, *шар*, *шарф* и т. д.; *малгай* – ‘шапка’, *пулаад* – ‘платок’, *тобшо* – ‘пуговица’, *буд* – ‘ткань’, *самса* – ‘рубашка’ и др. Национально-специфическая ассоциация – масть лошади: *зүһэн* – ‘масть’, *зүһэтэй* – ‘имеющий какой-либо цвет, масть’, *зээрдэ зүһэ* – ‘рыжий (о масти)’. Имеются также словосочетательные ассоциации: *шад* (усилит. частица к *улаан* – *шад улан* – ‘очень красный’) и *үдэ* (вторая часть топонима Улан-Удэ). Противопоставление по цвету: в русском варианте – только **жёлтый**, в бурятском – *ногоон* – ‘зелёный’ и *сагаан* – ‘белый’. В бурятском варианте приводится много заимствованных русских ассоциаций: *галстук*, *машина*, *помидор*, *карандаш*.

Заключение. Таким образом, проведённый эксперимент показал не только возможности уточнения особенностей языковой картины мира на примере цветолексем, но и особенностей трансформации языкового сознания при билингвизме, в частности, бурятско-русского. Он подтвердил, что, как и во многих других языках, бурятские цветолексемы входят в семантический генофонд языка, при этом цветовая и оценочная семантика в данной группе слов сливается и, в основном, совпадает с цветовой символикой других языков, а именно положительной оценочной семантикой белого цвета и отрицательной – чёрного цвета. Как и в других языках, для них характерны преимущественно синтагматиче-

ские реакции. Кроме того, можно констатировать, что одинаковой для всей группы исследуемых цветообозначений, как и во многих языках, является ассоциация с суперассоциатом **цвет**. Как считает А. А. Залевская, здесь реализуется скорее не синтагматическая, а глубинная парадигматическая связь [9, с. 124].

Что касается языковых предпочтений, то, например, в отличие от русского языкового сознания, где наиболее употребителен красный цвет [13, с. 123], наиболее распространённым у бурят является белый цвет. Он входит в ядро языкового сознания, причём в реакциях и на русском и на бурятском языках, он наиболее часто коррелирует со всеми остальными цветами, и наиболее ярко отражает национальные особенности бурятской культуры.

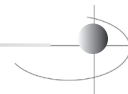
Практически по всем анализируемым цветам первые две самые высокочастотные ассоциации на обоих языках совпадают: на **белый** – снег, цвет/саһан, үнгэ, на **чёрный** – цвет, ночь/үнгэ, һуни, на **жёлтый** – солнце, цвет/наран, үнгэ, на **красный** – цвет, флаг, знамя/үнгэ, туг. Можно сделать предположение, что данный факт говорит о том, что сила влияния национального бурятского языкового кода пока достаточно высокая. Основные различия между группами ассоциаций на русском и бурятском языках наблюдаются в низкочастотных зонах, и эти расхождения

связаны с культурными особенностями. Так, например, можно отметить, что практически все цвета используются для обозначения масти (*зүһэн*) лошадей. То есть разница в реакциях бурят-билинггов на том или ином языке связана с языковыми стереотипами, закреплёнными за соответствующими словами, которые, в том числе, определяются национальными различиями в представлении о мире, а также системно-структурными особенностями языка, например, многозначностью некоторых бурятских цветолексем.

Можно также отметить по тесту на бурятском языке, что за редким исключением на слова-стимулы давались ответы или слова-реакции также на бурятском языке. Пока, как свидетельствуют наши данные, сохраняется национально-культурное своеобразие бурятского языкового сознания, в частности, оно более миролюбивое, менее агрессивное. В частности, открытость и доброжелательность бурятского этноса определяется также тем, что наиболее частыми оценочными словами-реакциями на бурятском языке являются слова с положительной коннотацией: *һайн* – ‘хороший, добрый’ (23), *сэбэр* – ‘чистый’ (16), *хүнэй* – ‘человеческий’ (15), *сагаан* – ‘белый’ (11). Причём реакция *һайн* – ‘хороший, добрый’ по частоте даже превышает слово *хүн* – ‘человек’.

Список литературы

1. Баинова О. А. Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Улан-Удэ, 2005. 26 с.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 292 с.
3. Бертагаев Т. А. Сочетания слов и современная терминология. М.: Наука, 1971. 152 с.
4. Бухаева Р. В. Цветосимволы как стереотипы речевого поведения (мышления) бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 10. С. 3–10.
5. Василевич А. П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Именования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ: сб. ст. М.: КомКнига, 2007. С. 9–28.
6. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 238 с.
7. Дырхеева Г. А. О ядре языкового сознания бурят-билинггов // Вопросы психолингвистики. 2016. № 4. С. 54–62.
8. Жаркынбекова Ш. К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 1. С. 109–116.
9. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1990. 205 с.
10. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 197–206.
11. Монраев М. У. Цветообозначения в калмыцком языке (на материале ономастики) // Проблемы монголо-ведных и алтаистических исследований: междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 123–124.
12. Омакаева Э. У. Цветовые представления калмыков сквозь призму типологии языков и типологии культур // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России: Всерос. науч.-практ. конф. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 84–88.
13. Уфимцева Н. В. Русские: опыт ещё одного познания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2003. С. 112–129.
14. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. 175 с.

15. Хинзеева Т. П. Цветообозначения в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. Улан-Удэ, 2011. 27 с.

16. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.

17. Khabtagaeva B. Colour names and their suffixes (a study on the history of Mongolian word formation) // Acta Orientalia. Academiae scientiarum hungaricae. 2001. Vol. 54, No. 1. Pp. 85–165.

Статья поступила в редакцию 20.06.2017; принята к публикации 10.08.2017

Библиографическое описание статьи

Дырхеева Г. А. О некоторых особенностях трансформации языкового сознания (на примере лексики цветообозначений в бурятском языке) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 5. С. 28–34. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-28-34.

Galina A. Dyrkheeva,

Doctor of Philology, Professor,

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies

Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 6670041, Russia),

e-mail: an5dag1@mail.ru

On Some Features of Language Consciousness Transformation (The Case of Colour Lexicon in the Buryat Language)

The article is about some features of transformation of the Buryat language consciousness in the conditions of the Buryat-Russian bilingualism. The analysis of associative reactions of the Buryat in the Russian and Buryat languages on the example of words of colour is submitted (**white, black, yellow, red**). The experiment showed possibilities of specification of a language picture of the world on an example of colour words and features of transformation of language consciousness in bilingualism, in particular, the Buryat-Russian. It confirmed that, as well as in many other languages, the Buryat colour words enter a semantic gene pool of language, thus colour and estimated semantics in this group of words merges and, generally coincides with colour symbolics of other languages, namely positive estimated semantics of white colour and negative black colour. The analyzed colours show that the first two most high-frequency associations in both languages coincide. It can be made the assumption that the force of influence of a national Buryat language code is rather high. The main distinctions between groups of associations in the Russian and Buryat languages are observed in low-frequency zones, and these divergences are connected with cultural features. The difference in reactions of the Buryat bilinguals in this or that language is connected with the language stereotypes assigned to the corresponding words which are defined by national distinctions in idea about the world and also the system and structural features of the language, for example, a polysemantics of some Buryat colour lexemes.

Keywords: language consciousness, colour lexeme, associative experiment, the Buryat language, the Russian language, bilingualism

References

1. Bainova O. A. Semantika tsveta v traditsionnoi kul'ture narodov Zabaikal'ya: lingvokul'turologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. Ulan-Ude, 2005. 26 s.

2. Bakhilina N. B. Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke. M.: Nauka, 1975. 292 s.

3. Bertagaev T. A. Sochetaniya slov i sovremennaya terminologiya. M.: Nauka, 1971. 152 s.

4. Bukhaeva R. V. Tsvetosimvoly kak stereotipy rechevogo povedeniya (myshleniya) buryat (po materialam napravlennoogo assotsiativnogo eksperimenta) // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 2010. № 10. S. 3–10.

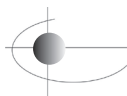
5. Vasilevich A. P. Etimologiya tsvetonaimenovaniy kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya // Naimenovaniya tsveta v indoevropayskikh yazykakh. Sistemnyi i istoricheskii analiz: sb. st. M.: KomKniga, 2007. S. 9–28.

6. Vendina T. I. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm). M.: Indrik, 1998. 238 s.

7. Dyrkheeva G. A. O yadre yazykovogo soznaniya buryat-bilingvov // Voprosy psikholingvistiki. 2016. № 4. S. 54–62.

8. Zharkynbekova Sh. K. Assotsiativnye priznaki tsvetooboznachenii i yazykovoe soznanie // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. 2003. № 1. S. 109–116.

9. Zalevskaya A. A. Slovo v leksikone cheloveka. Psikholingvisticheskoe issledovanie. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta. 1990. 205 s.

10. Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti // Yazykovoe soznanie i obraz mira: sb. st. M.: In-t yazykoznanija RAN, 2000. S. 197–206.
11. Monraev M. U. Tsvetooboznacheniya v kalmytskom yazyke (na materiale onomastiki) // Problemy mongolovednykh i altaisticheskikh issledovani: mezhdunar. nauch. konf. Elista: Izd-vo KalmGU, 2009. S. 123–124.
12. Omakaeva E. U. Tsvetovye predstavleniya kalmykov skvoz' prizmu tipologii yazykov i tipologii kul'tur // Kul'turno-istoricheskoe vzaimodeistvie russkogo yazyka i yazykov narodov Rossii: Vseros. nauch.-prakt. konf. Elista: Izd-vo KalmGU, 2009. S. 84–88.
13. Ufimtseva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo poznaniya // Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya: sb. st. / otv. red. N. V. Ufimtseva. M.: In-t yazykoznanija RAN, 2003. S. 112–129.
14. Frumkina R. M. Tsvet, smysl, skhodstvo. M.: Nauka, 1984. 175 s.
15. Khinzeeva T. P. Tsvetooboznacheniya v buryatskom yazyke: lingvokul'turologicheskii aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.22. Ulan-Ude, 2011. 27 s.
16. Tsydendambaev Ts. B. Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1972. 664 s.
17. Khabtagaeva B. Colour names and their suffixes (a study on the history of Mongolian word formation) // Acta Orientalia. Academiae scientiarum hungaricae. 2001. Vol. 54, No. 1. Pp. 85–165.

Received: June 20, 2017; accepted for publication August 10, 2017

Reference to the article

Dyrkheeva G. A. On Some Features of Language Consciousness Transformation (The Case of Colour Lexicon in the Buryat Language) // Humanitarian Vector. 2017. Vol. 12, No. 5. PP. 28–34. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-28-34.